

АХ, ЭТИ ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

Отрывок из романа «Ты»
Стихи АРКАДИЯ КУТИКОВА

Он сидел наискосок, мы сидели за двумя письменными столами, в небольшой комнате, наискосок друг от друга. Георгий, так он представился, был еще тоже молодым, но уже не парнем – мужчиной. Но, все же, молодым. Поэтому, сказал, давай, без отчества, чего там. То есть начал Ваньку со мной валять с первой же фразы. И не понять, какого звания – то ли старлей, то ли уже капитан. Но так и веяло от него отутюженной парадкой. Парадной формой, которую я только на дембель надел. И которую снял всего то полгода назад. Так и виделась она мне, несмотря на то, что на Георгии был гражданский костюм.

- Так откуда на пленке эти провокационные песни? Вражеские, прямо скажем. «Отпусти народ мой...» Да кто их держит? По мне бы, Андрюха, я бы их всех одномоментно, в теплушки, и отвез бы, на землю обетованную...

- Ага. С каких пор казахская степь обетованной землей стала? – Но это я подумал. Вслух ответил. – Георгий! Да кто сказал-то, что там такая песня была? Не было на пленке такой песни. А, если по правде, то я вообще не понимаю, о чем речь. Без меня евреи уезжать начали. Я, вы наверное в курсе, последние два года в армии провел. На Чукотке, в бухте Провидения. Там такого массового исхода не замечалось. Как и евреев. Тоже, не замечалось...

- Странно. По моему, они везде есть. Уехать в Провидение, что ли. Ну, ладно. Я тебе верю. Мы вот даже поинтересовались о тебе у наших товарищей, как ты там служил. Не все ровно было, не все. Вот...

Он достал из ящика письменного стола лист бумаги и прочитал мне.

«Осваивал специальности довольно легко, но работал по ним спустя рукава. За что был командирован командованием части в поселок Сиреники для установки мегателефонных антенн...»

Георгий с интересом посмотрел на меня.

- Че это?

Че это...Это, милый ты мой, целый месяц, октябрь, перешедший в ноябрь, ада крошечного. Три ломика у меня лично погнулись, пока с командой, в пургу, отрыл в булыжной вечной мерзлоте, подогреваемой кострами, две ямы два на два. А антенны, на самом деле, ставили уже не мы. Телефонисты...Да че я ему рассказывать буду. Все равно ни хрена не поймет. А почерк узнаю. Особист наш, капитан Котов, навалял. Вот уж действительно котяра – жирный, ленивый, вредный.

- Это командировка была. Ну, немного специфическая. Телефонная сеть всей Чукотки налаживалась. Военная, конечно.

- Понял. Но не понял – это было поощрение или наказание?

- Конечно, поощрение. Чтоб другим неповадно было.

- А, шутки. Шутки, это замечательно. Только, Андрей, не дай Бог мы с тобой шутить начнем. Ты ведь только восстановился в университете. Хорошее начало, да?!

Давай, рассказывай, что там на этой пленке было?

Пленку, стометровую катушку, папа привез из Белгорода от друга своего дяди Славы. Я, честно сказать, действительно, не врубился, что записаны на ней были песенки с критикой власти, которая, вроде бы, не очень охотно отпускала евреев на историческую родину. Вернее, даже не так: понимал, конечно, о чем идет речь, но значения никакого не придавал. Армия в самом деле отодвинула меня от таких проблем далеко-далеко. Вот и припер ее, сдуру, в студобцагу, где эти песенки прослушала уйма хмельного народу. Пойди, теперь, пойми, кто настучал. Хотя все знали, конечно, кто. Но не доказать этого никогда.

Да и папа, много лет отвечающий за план золотодобычи в Бодайбо, кажется, слабо представлял, что он мне оставил, уезжая. Самое интересное, что нас-то эта проблема ну никаким боком. Просто дядя Слава был очень музыкальным и очень любопытным. За эти свои черты характера, за последнюю, в основном, отсидел в наших краях суровую десятку после войны.

Короче, все трое попали впросак. Это интеллигентно выражаясь. А на самом деле, как потом уже оценила всю историю более близкая к народу мама - и лексически, и так, по человечески - не впросак. В большую задницу. Хотя она, в сердцах, выразилась еще жестче.

- На пленке были песни Петра Лещенко.

- Это что-то новое. Какие?

- Да известно, какие. «Марусичка», «Ах, эти черные глаза...», «У самовара»...

- Пленки, конечно, уже не существует?

- Конечно. Как только прослушал, плюнул, и стер ее. А потом плюнул... И сжег ее.

- Ну чистый, твою мать, Гоголь. Ладно, мы еще узнаем, кто предупредил, не сомневайся. За эмигранта наказать надо было бы. Но не будем. На первый раз. Слушай, вот ты дружишь с Петей Леутиным. Вот расскажи мне, что это за явление такое, Христа народу. Ведь периодически весь факультет от него неприятности получает. Как с ним быть, с этим поэтом неудавшимся?

- Ну, почему неудавшимся? Петя очень яркий и самобытный...

- Ага.

Деревня Н не знала грез,

Покой и тишь – ее основа...

Но в каждом доме был Христос

С лицом Емельки Пугачева.

- Он что? Угрожать вздумал? Ты как считаешь? Яркий и самобытный...

- Ну, здесь явно прослеживается миссионерская предназначенность поэта...

- И ты туда же, - с досадой сказал Георгий, - хорошо, будет вам миссионерская предназначенность. Пиши объяснительную и иди. А этому фрукту передай – еще что-то такое напишет, спуску не дадим. Все припомним. Все – пьянки, баб, детей этих, незаконнорожденных. И стихи, конечно.

С пропуском, зажатым в кулак, так, что потом пальцам больно стало, я вышел из комнаты. Пройдя несколько шагов, я и увидел идущее навстречу это белокурое чудо. Локоны она тогда завивала на концах волос, и они кокетливо лежали на

плечах. И еще, ощущение, несмотря на то, что женственностью несло за километр, девушка была очень спортивной. Она шагала мне навстречу, с папочкой в руке, мы перекрестились взглядами, и она – о майн готт - мелькнуло у меня почему-то по-немецки, улыбнулась. Больше никого в коридоре не было. Значит, мне. Я ощутил себя совсем другим человеком. Не тем, кого только что допрашивали и склоняли. Другим, это, как бы сказать, это, как бы сравнить, это, как бы, когда мы последнюю лопату мерзлоты выбросили на верх из тех двух проклятых ям в Сирениках. Иди, радуйся, аллилуйя.

х х х

В общежитии я как-то сам собой оказался. Не чуя под собой твердой почвы. Все было очень новым, вся эта гражданская действительность, реальность, с трудом разбираемая. Разумеется, пленку я не уничтожил, тоже, кстати, глупость мальчишеская, ничего там не было, из-за чего можно было на амбразуру бросаться. Хотя, я и не думал ни о какой амбразуре. Просто жалко было песняк сжигать, был он новый, необычный. И я ее отдал на хранение Валере. Но уж это сделал тайно. Никто не знал.

Валера стоял на крыльце, посиневший от холода, с сеткой. В сетке было несколько бутылок водки. Валера, согревавшийся, все равно высказался очень недовольно: «Ну сколько можно ждать! Я так всю ее один выпью. И помру, в одночасье. На» Я отпил несколько глотков из открытой бутылки, водка, сбегавшая вниз желудка, как весенний ручей с высокой сопки, быстро разожгла костер.

- Слушай, а если бы меня в подвал бросили? Пытать? Ты бы так и стоял?

- Нет. Я для себя решил, еще пару раз приложусь, и пойду к Петьке.

В комнате номер 214 их там было много, их было много на челне...И даже вождь краснокожих Рома, и тот сидел и читал какой-то учебник. В середине комнаты, вдвоем на стуле, а, если правильно сказать, то на друг друга, сидели Петя Леутин со своей любимой Ниной Трефановой, русской красавицей с темными глазами.

Сочетание бронебойное. Петька был уже по хорошему пьян, тряс своей всколоченной бороденкой, и прикладывался к бутылке «Московской», которую всякий раз аккуратно закрывал хлебным мякишем. Он вскинулся ко мне навстречу.

- Про меня спрашивали?

- «Деревня Н не знала грез...» Твое?

- Да. (Растерялся Петька). Но я только вчера написал, откуда это у них?

- От верблюда. А кто верблюд, вы знаете.

- Ну, я этого Мнолика! Вот оперативный гад, какой! Башку ему надо открутить.

- Ты погоди. Ну, а вдруг не он? Ну, на секунду представь – не он! А ты ему башку!

- Ну да. – Петька в растерянности опустился на стул. Нинка вмиг опять очутилась на коленях.

В этот момент в комнату вошел краснокожий, монгол Чурмандах. Парень он был здоровый, он молча подошел к ним, аккуратно снял Нину с колен, и поднял Петю в воздух за шиворот.

- Эй. – Нельзя сказать, чтобы Петька сильно испугался, а, тем более, огорчился.

Небольшого роста, поэт, тем не менее, был жилистым и здоровым. А, главное, упорным в бою. Пожалуй, ни разу не сдался. Только если вырубали напрочь. Он тихо висел и спрашивал.

- Эй, Чурмандах. Ты считаешь, я был не прав? Что вам, значит, нехристям, можно чем угодно заниматься в комнате, а советскому студенту и водку нельзя забрать из тумбочки?

- Меня обзывай как хочешь, Туя не сметь.

Он отпустил Петьку, сел на его стул, и горько сказал: «Рифмоплет!»

Чтобы не заморачиваться на этой нелепице, я вкратце. Петька пришел в свою комнату взять заныканную накануне бутылку, а у Чурмандаха была в гостях его девушка по имени Туя. И они занялись любовью, и никак не могли сразу Петьку выпустить, а этот паразит, прекрасно понимая, что сейчас испытывает Чурмандах, а, тем более, Туя, тем не менее, разорался на весь коридор, бессвязно и желчно. Потом сделал вывод: «Туя! Туя! Головка от ...» и ушел, рассерженный, в другом схроне пошукать. Сейчас рассерженным выглядел флегма Чурмандах. Но момент был упущен, и ярость его уже была не той, туинской. Не бешеной, а, как всегда, неторопливой, что ли. А потом и вовсе кончилась. Петька, очень чуткий к переменам в настроении, в обстоятельствах, в ситуациях, по тихому опять завладел стулом, и Нинка молча вспорхнула на свое место.

214 медленно заполнялась. И все приносили алкоголь, простой и немудрящий, студенческие портвейны пополам с водкой. Вдруг Петя захохотал, ни с того, ни с сего.

- Лещенко, говоришь? А ведь хороший романс. Ну – ка, брысь...

Он согнал Нину с колен, взял гитару, и неожиданно мужественным баритоном запел: «Был день осенний, и листья грустно опадали...»

Нинка присоединилась в куплете: « Ах, эти черные глаза, меня пленили...»

Глаза ее, жутко пьяные, осветились малахольным блеском. Мы выпили, и Нина сказала: «Все, группа. Я спать. Завтра чтобы все были на первой паре. Если что, накажу...»

Спала она очень даже тревожно. Маялась, бедная, ворочалась, вскрикивала: «Петя, Петя...Не надо. Не надо...»

Петька безотрывно глядел на нее. Потом сказал: «Я тут, Андрюха, написал...Хочешь, почитаю?»

В объятье снов – пустых и страшных,
Окружена обман - травой
Ты любишь призраков вчерашних,
А я не призрак, я живой.

Ромашки туфельками давишь,
Глядишь в сиреневую даль
Уйдешь с другим, зато оставишь,
Во мне красивую печаль.

Июль прошел, и в самом деле
Мы стали сами не свои...
Отгрохотали, отгудели
Отвыли наши соловьи.

- Какой июль? До него еще дожить надо. Но хорошо. Молодец.
- В июле она меня бросит. Потому и июль... Посреди зимы.

х х х

Утром я зашел в 214. Петька спал один, Нины не было. Я подошел к койке, хотел его толкнуть, и вдруг увидел, что губы Петькины были синими. Я ахнул: «Помер».
Тут зашла Нина, вытирая мокрые волосы полотенцем, я, заикаясь, показал ей на Петьку.

- Нин! Гляди! Он синий...

- Что?! – Нинка даже не крикнула. Она по звериному взрыднула. – Что?!

Она подошла, и тоже посмотрела на Петьку, и молча опустилась на стул.

- Господи! Андрюха! Сейчас я посинею – от тебя. Это же он ночью тени с моих век слизал. Поцелуйщик чертов. Ох, сойду я от вас с ума, это точно. Буди его, собирайтесь, пойдем, на первую пару успеваем.

- Ну нет. Я только что чуть лучшего друга не потерял, гениального, можно сказать, поэта. А ты – на первую пару! Ты что, Нинка! Где тут у нас заначка была...

Я быстро достал из под кровати недопитую бутылку «Московской», аккуратно заткнутую хлебным мякишем.